Настоящая книга
входит в серию научных и просветительских изданий,
предпринятую в 2026 году
Санкт-Петербургской Духовной Академией Русской Православной Церкви
в ознаменование празднования
80-летия возрождения
Ленинградских (Санкт-Петербургских) Духовных школ

80 ВОЗРОЖДЕНИЯ
ЛДА-СПбДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Святитель Серафим (Соболев)

Учение о смирении по «Добротолюбию»

Публикация, вступительная статья и примечания
А. А. Кострюкова

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2026

УДК 271.2-584
ББК 86.372-4
С32

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р26-619-0554

Рецензенты:

Священник Димитрий Юрьевич Лушников — кандидат богословия, доктор теологии, доцент, заведующий кафедрой богословия Санкт-Петербургской духовной академии

Сергей Львович Фирсов — доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии

Серафим (Соболев), свт.

С32 Учение о смирении по «Добротолюбию» / святитель Серафим (Соболев) ; публ., вступ. ст. и примеч. А. А. Кострюкова ; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2026. — 164 с.

ISBN 978-5-6054639-9-3

Что такое смирение? По словам святого Григория Синаита, «оно есть благодать и дар свыше». Святые отцы ставили смирение выше всех добродетелей, указывая, что без него невозможны ни подлинная молитва, ни подлинная вера. На эту тему написал свою кандидатскую работу выпускник Санкт-Петербургской духовной академии 1908 года иеромонах Серафим (Соболев; 1881–1950). Однако, не будучи напечатанной, она оставалась известной лишь узкому кругу исследователей.

Иеромонаха Серафима ждали просветительские труды, эмиграция и архиерейское служение в Болгарии. Он причислен к лику святых и Русской, и Болгарской Православными Церквами в 2016 году и является одним из самых почитаемых в Болгарии подвижников. Архипастырь хорошо известен и в России как автор апологетических и многих других сочинений. Ценность его кандидатского сочинения отметил в своей рецензии профессор А. А. Бронзов, подчеркнувший важность и новизну работы, которую отец Серафим построил на самостоятельном изучении источников и, опираясь на творения святых отцов, систематизировал то, что неискушенный читатель в «Добротолюбии» не сразу может уловить.

Книга рекомендуется преподавателям и студентам богословских учебных заведений, теологических факультетов светских вузов и всем интересующимся учением Православной Церкви.

УДК 271.2-584
ББК 86.372-4

ISBN 978-5-6054639-9-3

© Кострюков А. А., публ., вступ. ст., примеч., 2026
© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кострюков А. А. Святитель Серафим (Соболев) и его работа «Учение о смирении по “Добротолюбию”» 8

ВВЕДЕНИЕ 25

ГЛАВА 1. Понятие смирения 29
Отдел 1 29
Отдел 2 38

ГЛАВА 2. Виды смирения 45
Отдел 1 45
Отдел 2 68
Отдел 3 85

ГЛАВА 3. Значение смирения в деле спасения 112
Отдел 1 112
Отдел 2 115
Отдел 3 121

Примечания 155

Святитель Серафим (Соболев) и его работа «Учение о смирении по “Добротолюбию”»

«Какое благоухание создал Господь, — сказал однажды святитель Серафим, нюхая сирень; — но это земное благоухание ничего общего не имеет с тем великим благоуханием, которое будет в Царствии Небесном». В этом не столь значительном на первый взгляд фрагменте, малом штрихе, донесенном его духовными детьми, «как солнце в малой капле вод» отражается вся суть жизни этого иерарха, видевшего в ней лишь отражение уготованных людям будущих благ.

Жизнь святителя Серафима (Соболева) была наполнена как этим ожиданием, так и «хождением пред Богом», постоянным памятованием о Нем. А потому вполне естественными выглядят и другие слова архипастыря: «Господь близко, если позовешь Его — сразу откликнется!» Еще в годы земной жизни молитва архиепископа Серафима возвращала здоровье безнадежным больным, помогала людям избавляться от житейских проблем и неурядиц. Архипастырь при этом не был оторван от проблем многомятежного мира, он был автором апологетических и богословских трудов. Одна из его работ — «Учение о смирении по “Добротолюбию”», ныне предлагается вниманию читателя. Но, прежде чем говорить об этом труде, кратко напомним основные вехи жизненного пути святителя Серафима.

* * *

Будущий архипастырь, в миру Николай Борисович Соболев, родился 1 декабря 1881 г. в г. Рязани в мещанской семье Бориса Матвеевича Соболева и его супруги Марии Николаевны. Согласно метрическим записям, Борис Матвеевич на момент вступления в брак носил фамилию Матвеев, а фамилию Соболев взял позднее. Семья Соболевых жила на Екатерининской улице в собственном доме № 344. В семье было двенадцать детей, семь из которых умерли в детстве. Николай был десятым по счету ребенком. В день своего рождения он был крещен в Екатерининской церкви Рязани. Сохранилась метрическая запись о крещении младенца. Согласно ей, таинство совершил протоиерей Михаил Виноградов, а крестными были губернский секретарь Алексей Правдолюбов и старшая сестра Николая — Варвара Борисовна.

Когда Николаю было семь лет, его отец перенес инсульт и затем в течение четырнадцати лет, до самой смерти, был прикован к постели. Через несколько лет после смерти Бориса Матвеевича семья переехала в другой рязанский район, Бутырки, где у матери будущего святителя, Марии Николаевны, был дом[1].

В 1904 г. Николай окончил Рязанскую духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В годы учебы Николай Соболев стал членом «Златоустовского кружка», организованного ректором архимандритом Феофаном (Быстровым) и группой студентов для изучения наследия святых отцов. Современники вспоминали Николая как очень доброго и мягкого человека, и называли его не иначе как «Колечка».

В те самые годы будущий святитель много думал о том, какую стезю служения Богу ему избрать. В старости,

[1] Справка из Государственного архива Рязанской обл. № ТЦ-3459 от 23.10.2014.

приближаясь к переходу в вечность, святитель говорил, что промысл Божий вел его именно к монашеству. «Человек, предназначенный для монашества, — говорил святой, — находится под особым Божиим покровительством. Господь охраняет его. Со мной был случай, когда я упал с пятисаженной высоты в детстве и остался невредим». Однако в двадцатилетнем возрасте уверенности в иноческом пути еще не было. Чувствуя этот призыв, Николай ездил к подвижникам, в изобилии явленным на Руси накануне грядущей катастрофы. Он бывал в Оптиной пустыни, а также у старца Гефсиманского скита Исидора (Грузинского-Козина). Когда Николай и его друг задали последнему вопрос о монашестве, то получили совет всегда помнить слова апостола Павла: «Аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу» (Гал 6:17). Лишь позднее, готовя облачения перед постригом, друзья прочитали те же самые слова на парамане, поняв, что имел в виду гефсиманский подвижник.

На четвертом курсе академии, 26 января 1908 г., Николай Соболев был пострижен в монашество ректором академии епископом Сергием (Тихомировым) и в том же году был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха.

Больших средств у Николая Соболева как до, так и после пострига не было. Из-за материальных проблем и не сданного вовремя сочинения защиту кандидатской диссертации пришлось отложить до осени 1908 г. Однако, несмотря на все трудности и задержки, защита диссертации прошла успешно. 16 сентября Ученый совет Санкт-Петербургской духовной академии удостоил иеромонаха Серафима ученой степени кандидата богословия.

Дальнейший путь иеромонаха Серафима мало отличался от пути молодых ученых монахов. Сначала отец Серафим преподавал в Житомирском пастырском училище, затем был смотрителем в Калужском духовном училище, инспектором Костромского духовного училища, а в 1912 г. был возведен

в сан архимандрита и назначен ректором Воронежской духовной семинарии. «Вы назначены в наибезнадежнейшую и бунтарскую семинарию», — писал новому ректору архиепископ Антоний (Храповицкий). Действительно, бунтарский дух был присущ не только студентам светских учебных заведений, но и семинаристам. Издевательские выпады против нового ректора начались, когда он знакомился со студентами. Хотя инспектор предложил архимандриту Серафиму уволить нарушителей, будущий святитель не стал портить юношам жизнь. «Злу надо противопоставлять любовь», — впоследствии говорил он. С провинившимися он разговаривал лично и действительно сумел растопить их сердца. Вскоре архимандрит Серафим проявил себя и как заботливый отец для семинаристов. Испытав на себе бедность и болезни, он позаботился об открытии столовой для неимущих студентов и учреждении братства для оказания им материальной помощи. Семинария при архимандрите Серафиме уже не пользовалась дурной славой и стала одной из лучших.

Будущий архипастырь в годы преподавательской и ректорской деятельности по-прежнему перенимал крупицы духовного опыта у подвижников. Его духовником стал Оптинский старец преподобный Анатолий (Потапов).

На страну надвигались новые беды — сначала Первая мировая война, а затем падение монархии, революционные потрясения и небывалые гонения на Церковь. Архимандрит Серафим вспоминал, что сам едва не погиб во время крестного хода, обстрелянного большевиками в 1919 г.

Шанс уехать из Воронежа появился, когда город был взят войсками генерала А. И. Деникина. Свобода длилась меньше месяца. Красные вскоре вновь подошли к городу, и пастырь, понимая, что большевики его не пощадят, решил покинуть Воронеж. Перед отъездом отец Серафим посетил одного из местных подвижников — старца Аарона. «Ты попадешь в хорошую сторонушку», — напутствовал архимандрита

старец. Из Воронежа архимандрит Серафим и его младший брат иеромонах Сергий уехали на одном из последних поездов, в открытом вагоне, гружёном углем.

Следующим местом служения архимандрита Серафима стал Крым, где генерал П. Н. Врангель планировал сохранить независимую от коммунистов Россию. В Крыму оказалась и группа иерархов, входившая во Временное высшее церковное управление (ВВЦУ) Юга России. Нарушенная связь с патриархом Тихоном стала причиной того, что ВВЦУ взяло на себя решение не только внутренних, но и внешних церковных вопросов. Патриарх Тихон позднее все решения ВВЦУ признал. Архимандрит Серафим в крымский период своей жизни был ректором Таврической семинарии, выезжал на фронт для поддержки воинов. В праздник Покрова Богородицы 1920 г. по решению ВВЦУ архимандрит Серафим был рукоположен во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии.

Крымский период в жизни иерарха длился недолго. В начале ноября красные прорвали оборону и ворвались в Крым. «Русский исход» стал новым этапом трагедии. Спустя десятилетия русский поэт Георгий Иванов напишет:

— И сорок лет спустя мы спорим,
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час над Черным морем
Россия рухнула во тьму.
Гостинодворцы, царедворцы
Во всю спасались рысь и прыть;
Безмолвствовали чудотворцы,
Не в силах чуда совершить.
И начался героев — нищих
Голгофский путь и торжество,
Непримиримость все простивших,
Не позабывших ничего.

Епископ Серафим вновь находился в колебаниях. Как быть, когда «безмолвствуют» чудотворцы, когда молитвы о спасении Руси остаются бессильны и адская тьма охватывает страну?.. Разделить с «гостинодворцами» и «царедворцами» бегство, зная, что Россию он может быть больше не увидит, епископ Серафим не хотел. Опасения погибнуть от рук большевиков также были обоснованны, — дальнейшая история, когда большевики массово уничтожали в Крыму участников Белого движения, хорошо известна. Сам епископ Серафим рассказывал, что по совету архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) вопрос решился жребием. На одном листке написали «уезжать», на другом «не уезжать». После молебна перед иконой Божией Матери архиепископ Димитрий вынул жребий для епископа Серафима — «уезжать». 14 ноября 1920 г. епископ Серафим покинул родину.

Некоторое время архипастырь служил в Турции, но уже весной 1921 г. переехал в Болгарию. Слова старца Аарона о «хорошей сторонушке» сбылись, — Болгария была православной страной с монархической формой правления. 31 мая святитель Серафим был назначен управляющим русскими приходами в Болгарии. Назначение было сделано Высшим церковным управлением, которое после отъезда из Крыма стало основой для Русской Зарубежной Церкви. Патриарх Тихон признал назначение епископа Серафима в Болгарию и в октябре 1921 г. переименовал его во епископа Богучарского. В Болгарии святитель Серафим прослужил до конца своих дней, сначала в подчинении Русской Зарубежной Церкви, а с 1945 г. в ведении Патриарха Московского. В 1934 г. преосвященный Серафим был возведен в сан архиепископа.

Святитель Серафим служил в Никольской церкви на бульваре Царя Освободителя в Софии, затем главным храмом русской диаспоры стала Никольская церковь

на улице Калояна, а в 1945 г. приход во главе с архиепископом Серафимом вернулся в храм на бульваре Царя Освободителя. В подчинении архипастыря находилось еще несколько разбросанных по Болгарии приходов и два монастыря. Одну из этих обителей, высокогорный Кокалянский монастырь Михаила Архангела, святитель особенно полюбил. Летом он уезжал в этот монастырь, отдыхал душой, молился, писал свои труды.

А таковые труды были необходимы. Актуальных вопросов, как канонических, так и догматических, было немало, и архипастырь высказывался по многим из них. Так, в середине 1920-х гг. глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) попытался заменить своим катехизисом принятый в Русской Церкви катехизис святителя Филарета (Дроздова). С протестом тогда выступили два иерарха — архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Серафим (Соболев). Иерархи обратили внимание на то, что митрополит в своем учении сгладил голгофские страдания Христа, сделав акцент на гефсиманском борении. Полемика привела к тому, что митрополит Антоний сам отказался от дальнейшего продвижения своего катехизиса. Впоследствии, когда почитатели митрополита Антония стали продвигать его учение, святитель Серафим издал свою книгу, где излагал православный взгляд на искупление.

Был еще один повод, чтобы возвысить свой голос в защиту православия — учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии. В соответствии с мнением философа, между Богом и миром существует некий «Ангел Твари» — София, допущенная в Троицу и именуемая отцом Сергием и «Небесной Афродитой», и «вечной женственностью», и даже «четвертой ипостасью». Святитель Серафим принялся за написание новой работы, на основании святых отцов показывая, что упоминаемая в Писании София — это Бог Слово. В 1938 г. за сочинение «Новое учение о Софии Премудрости Божией»

архиепископ Серафим был удостоен ученой степени магистра богословия.

Апологетика была не единственным направлением трудов архипастыря. В 1930-е гг. он написал два других труда, на этот раз посвященных анализу причин русской трагедии 1917 г. и будущему России — «Русская идеология» и «Об истинном монархическом миросозерцании». Иерарх настаивал, что проблемы страны были напрямую связаны с принижением христианской веры русскими царями. Унизив православие, заставив его служить себе, императорская власть подорвала свою собственную легитимность, что и привело страну к гибели. Хотя архиепископ Серафим был монархистом, подчиненное положение Церкви государству он отвергал и прямо проводил идею, что государство должно служить Церкви, а не Церковь государству.

Не могло остаться без внимания архипастыря-эмигранта и положение на родине с массовыми репрессиями, агрессивной богоборческой пропагандой и фактически полным уничтожением Церкви к началу Второй мировой войны. Наблюдая за творящимися в Советском Союзе беззакониями, святитель еще в 1933 г. говорил: «Страшно гневается Господь на Россию! Никогда еще не было в мире такого гнева Божия, как теперь над Россией». Обличая коммунистический режим, архиепископ Серафим был осторожен в оценке действий Московской Патриархии. Не соглашаясь с политикой компромиссов, принятой митрополитом Сергием (Страгородским), архиепископ Серафим признавался, что не может осуждать его, так как не знает, как сам повел бы себя в подобных условиях.

Архиепископ Серафим жил очень скромно, в доме без удобств, деля квартиру со своим младшим братом архимандритом Сергием. Тяжело болевший отец Сергий доставлял архипастырю немало хлопот. Незадолго до смерти святитель Серафим говорил: «Я сам испытал, что от слез делается

легче на сердце. Я всю жизнь живу в печалях и скорбях. Страдал в юности от болезни отца, от нищеты и скорбей мамочки, и с юности и до сего дня в скорбях от тяжкой болезни брата и его тяжелого характера — всегда кого-нибудь ругает. А я строго не могу с ним поступать, ибо это противно моему характеру». От людей, помнивших святителя Серафима, известны некоторые подробности жизни братьев: отец Сергий, страдавший от сильных головных болей, требовал от брата молитв об облегчении страданий, и ругал брата, если эти страдания не прекращались.

Тяжело болел и сам святитель Серафим, некоторое время находившийся на пороге смерти от туберкулеза. «Мое молитвенное правило увеличивается от обстоятельств жизни, во время скорбей, клевет, болезней», — говорил иерарх духовным детям.

Архипастырь поддерживал тесные связи с Афоном, переписывался со старцами; особенно близок ему был иеросхимонах Лот. Монахи Святой Горы, проезжая через Болгарию по делам, всегда находили приют в тесной квартирке архиепископа Серафима и его брата. Иерарх до конца дней своих исповедовался у святогорских монахов. Один из них, схиигумен Кассиан (Корепанов), как-то поделился своим мнением: «Что я могу сказать о вашем владыке? Он святой жизни. Он весь — любовь. Я таких архиереев еще никогда не видал».

Архиепископ Серафим любил молодежь и студентов. Вспоминая, как он много лет назад вымаливал у Бога билеты на вступительных испытаниях в академии, святитель молился и за учащихся, если присутствовал на экзамене, а потом, оставаясь на заседании комиссии, упрашивал поставить студенту более высокую оценку.

В архипастырских трудах прошли двадцатые и тридцатые годы. А затем пришло новое горе — Вторая мировая война. Гитлеровское руководство, хотя и открывало на захваченных землях храмы и монастыри, заботилось о том, чтобы

православие не было единым. Руководство национал-социалистической партии терпело самые разные церковные структуры, в том числе и приходы Московской Патриархии, но Русской Зарубежной Церкви возможности действовать на оккупированных территориях не давало. Сама Русская Зарубежная Церковь на официальном уровне (соборном и синодальном) гитлеровский режим не поддерживала. Такой взгляд разделял и архиепископ Серафим. Он никогда не служил молебнов о победе Германии; в фондах Совета по делам Русской православной церкви имеется информация, что духовные дети архипастыря (епископ Парфений и архимандрит Мефодий) поддерживали связь с антигитлеровскими кругами в Болгарии.

О чем думал святитель в те страшные дни, видно из его дневников. 9 ноября 1941 г. он записал: «Ах, Царице Небесная, как скорбит моя душа, скорбит смертельно. Раньше надеялся, что отстрадается Россия и увидит спасение и возрождение. Ныне новому рабству подпадает — немецкому». Подобно святому Василию Великому, который молился об избавлении родины от царя Юлиана Отступника, архиепископ Серафим молился об избавлении родины как от Гитлера, так и «от Сталина со всей его бандой и всеми комиссарами». Такую мысль он озвучил и публично на новогоднем молебне в 1943 г.

Архипастырь не стал покидать Болгарию, когда в 1944 г. в нее вступила Красная армия. В 1945 г. русские приходы, находившиеся в его подчинении, были приняты в Московский Патриархат.

Впереди были пять лет служения в подчинении Патриарха Московского. В 1948 г. архиепископ Серафим был приглашен в Москву на Совещание глав и представителей Православных Поместных Церквей, где выступил с секционными докладами против вступления Русской Церкви во Всемирный совет церквей, против перехода на новый календарь и относительно признания англиканской иерархии. «Свято и неукоснительно

храните нашу православную веру как в ее канонах, так и в ее догматах», — говорил архипастырь, и эти слова отражены в положениях этих докладов. При этом, архипастырь не был замкнутым консерватором. Доклад об англиканской иерархии показывает, что он был готов к диалогу, если таковой давал надежду на результат.

В жизни архиепископа Серафима после установления в Болгарии коммунистической власти изменилось немногое. Он по-прежнему жил очень скромно, можно сказать, в бедности, по-прежнему служил, был лоялен властям, хотя старался не контактировать с ними. От архипастыря не могло укрыться, что преследования Русской Церкви не прекратились, что, воспользовавшись ей в годы войны, Сталин вернулся к гонениям. Святые исповедники Петр Чельцов, Рафаил (Шейченко), Гавриил (Игошкин), Леонтий (Стасевич), Матрона (Власова), Иоанн (Крестьянкин) — лишь ничтожная часть страдальцев, оказавшихся в заключении в те годы. Нахлынула новая волна закрытий и разрушений храмов. Неудивительно, что святитель Серафим как до войны, так и после нее называл советскую власть сатанинской.

В конце жизни святителю было суждено на себе испытать истинную суть большевистского режима. Первым поводом стало открытие архиепископом Серафимом Покровского девичьего монастыря в болгарской столице. Вторым — выступление архипастыря против болгарской обновленческой смуты. Впрочем, как в свое время в России, «модернизм» обновленцев свелся лишь к пресмыкательству перед государством, женатому епископату и второбрачию духовенства.

В Москве ревность святителя Серафима вызывала большое недовольство, и Совет по делам Русской православной церкви в конце 1949 г. обсуждал возможность его увольнения. Отстранению архипастыря с кафедры помешала его тяжелая болезнь, — все понимали, что дни святителя

сочтены. Сам он, уже будучи прикованным к постели, давал последние распоряжения по устройству Покровского монастыря, причем точно описывал помещения, в которых никогда не был.

Земной путь архиепископа Серафима завершился 26 февраля 1950 г.

Его почитание как святого началось практически сразу после его ухода в вечность, помощь по молитвам архипастыря фиксировалась постоянно до сего дня. Крипта Никольского храма на бульваре Царя Освободителя, где было погребено тело иерарха, стала местом паломничества, причем болгарская коммунистическая власть не могла помешать почитанию.

В 2016 г. архиепископ Серафим (Соболев) был причислен к лику святых Русской и Болгарской Православными Церквами.

* * *

Наследие святителя Серафима обширно: труды против уклонений от православного вероучения, труды о судьбах России и монархии, сборники проповедей и др. Однако до настоящего времени оставался неизвестным один из самых ранних его трудов — «Учение о смирении по “Добротолюбию”».

Эту работу будущий архиепископ, а тогда иеромонах Серафим, написал в Санкт-Петербургской духовной академии и защитил в качестве кандидатской диссертации на кафедре Нравственного богословия в 1908 г. Рецензент, ординарный профессор А. А. Бронзов, отметил важность и новизну работы, которую отец Серафим построил не на пособиях, а на самостоятельном изучении источников. «Рецензент советует ему, — писал А. А. Бронзов в своем отзыве, — и впредь оставаться верным этому его пути,

на котором он найдет себе полное внутреннее удовлетворение». Диссертация получила высокую оценку, и иеромонаху Серафиму было разрешено защищать работу на соискание следующей, магистерской, степени без предварительного устного испытания[2].

Безусловно, в настоящее время требования к диссертациям другие. Однако в начале XX в. в духовных академиях не было обилия требований, привычных сейчас, не было строгих правил оформления введения и заключения, а также цитирования. В те годы достаточно было показать глубокое понимание темы и умение мыслить. Ценился навык свободно и ярко раскрыть предмет исследования, показать не только знание, но и умение заинтересовать читателя. При всех недостатках таких работ они имели и преимущество — их можно было публиковать сразу, без переработки в монографию.

Все указанные выше умения иеромонаху Серафиму удалось показать, но главное — он прекрасно показал знакомство с одним из наиболее авторитетных аскетических сборников — «Добротолюбием».

Труды отцов, вошедших в сборник, были переведены и объединены в пятитомник святителем Феофаном Затворником. Сборник включал творения столпов православной аскетики: Антония Великого, Григория Паламы, Григория Синаита, аввы Дорофея, Макария Великого, Иоанна Кассиана, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Феодора Эдесского, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова и многих других.

Тема смирения присутствует у всех этих отцов, однако добродетель эта не так проста, как может показаться. Духовные

[2] Журнал от 16 сентября 1908 г. // Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1908–1909 учебный год. СПб., 1909. С. 39–40, 43 [См. также прил. к журналу «Христианское чтение», 1909 г., Февраль].

писатели отмечали разные степени смирения, которые рядовому читателю будут не сразу видны. Тем не менее иеромонаху Серафиму удалось проникнуть вглубь святоотеческой мысли. Внимательное чтение книги, сопоставление мнений отцов помогло будущему святителю понять этапы пути для стяжания этой добродетели. Только высшая степень смирения, по мнению отцов, может именоваться подлинным смирением. Приобретаемые же навыки смирения — лишь вехи на этом пути.

Иеромонах Серафим показал неопределяемость смирения, указал на неверное понимание этой добродетели, на ложное смирение. Опираясь на святых отцов, будущий архипастырь разделил эту добродетель на начальное, среднее и высшее, систематизировал то, что неискушенный читатель в «Добротолюбии» не сразу сможет уловить.

Хотя название работы указывает на «Добротолюбие» как на источник исследования, в работе были использованы и другие труды, например, изданные отдельными книгами творения преподобного Иоанна Кассиана, преподобного Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», жития святых Тихона Задонского и Серафима Саровского.

Возможно, работа иеромонаха Серафима может показаться несколько бесхитростной, однако не будем забывать, что внешняя простота была свойственна и более поздним работам святителя. В трудах подвижника мы не найдем философского полета мысли, — святитель делал упор на Священное Писание и святых отцов. Вообще, постоянная отсылка к отцам, стремление в важных случаях опереться на авторитет духовных людей было присуще святителю Серафиму всегда, причем не только в науке, но и в жизни. Перед принятием монашества он обращался к святому Иоанну Кронштадтскому, Оптинским старцам и старцу Исидору, перед отъездом из Воронежа с отступающей армией

А. И. Деникина — к старцу Аарону, перед отъездом в эмиграцию — к святителю Димитрию (Абашидзе). Впрочем, иеромонах Серафим указывал, что даже такой великий святой как преподобный Антоний Великий всегда советовался с ближними.

С одной стороны, постоянные ссылки на авторитеты снижали самостоятельность трудов святителя Серафима, однако с другой стороны делали эти труды безупречными. Например, критику святителем Серафимом идей митрополита Антония и протоиерея Сергия Булгакова никто не смог оспорить и все возражения сводились лишь к «несамостоятельности» святителя. Что ж, если таковая базируется на святоотеческом предании, то она вполне оправданна. Если говорить об аскетике, то именно так построены писания святых Каллиста и Игнатия — отцов «Добротолюбия», а в новейшее время — «Путь отцов» С. И. Фуделя.

Иеромонах Серафим в своем труде не излагает собственное аскетическое учение. Действительно, было бы несколько странно, если бы молодой иеромонах, всего за девять месяцев до кандидатской защиты принявший постриг, начал свой научный и пастырский путь с собственных духовных советов. Подчеркнем: перед нами не «новое слово» в аскетике, а замечательная систематизация наследия святых отцов. Безусловно, что не все, кто держит сейчас в руках работу святителя Серафима, прочитали или прочитают «Добротолюбие» во всем его объеме. Но из «Учения о смирении...» любой может понять в кратком изложении, что представляет собой стяжание смирения, где оно подлинно, а где ложно. Для кого-то книга святителя Серафима станет главным в их жизни путеводителем ко смирению. А кого-то эта книга сможет побудить к тому, чтобы прочитать «Добротолюбие» полностью.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что настоящая публикация показывает становление архиепископа Серафима как апологета православной веры. Читателю,

знакомому с его жизнью и трудами, будет интересно ознакомиться и с его ранним сочинением. В то же время, не будем забывать, что представленная работа написана человеком, близким к Оптинским старцам, человеком, стремившимся к духовности. Автор еще не стал тем святителем Серафимом Болгарским Чудотворцем, которого мы знаем, однако его раннее сочинение поможет читателю немало почерпнуть из наследия святых отцов.

Машинопись данного текста находится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Фонд 573, Оп. 2, Д. 158-а, 193). В настоящей публикации не преследовалась цель скрупулезно скопировать текст труда святителя Серафима. Напомним, что иеромонах Серафим при написании диссертации, по-видимому, не думал о ее публикации. Безусловно, если бы «Учение о смирении...» было решено опубликовать тогда же, то редакторская правка имела бы место, поскольку в машинописи встречаются опечатки, стилистические неровности, а иногда и ошибки, сделанные при печатании. Все эти недостатки устранены в настоящей публикации, хотя авторский стиль, пусть даже временами не идеальный, был максимально сохранен. Были добавлены названия глав, которые в авторской редакции отмечены только номерами. Ссылки на источники оформлены в соответствии с современными правилами, также были сверены цитаты, в некоторых случаях ссылки были исправлены. При сверке цитат использовались только те издания, которыми мог пользоваться иеромонах Серафим, т. е. изданные до 1908 г. Также некоторые цитаты, отрывки из житий или мысли святых отцов даны иеромонахом Серафимом без ссылки на источник. В таких случаях фрагмент помечался звездочкой (*) и ссылка на него приводилась в примечаниях. Помимо этого, были прокомментированы и некоторые другие места сочинения, которые читателю могут быть непонятны.

Публикатор выражает благодарность ректору Санкт-Петербургской духовной академии епископу Петергофскому Силуану, доценту СПбДА Д. А. Карпуку, а также всему коллективу Издательства СПбДА.

Андрей Александрович Кострюков
доктор исторических наук, кандидат богословия,
профессор, главный научный сотрудник
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

Конец ознакомительного фрагмента